

ПРИЛОЖЕНИЕ

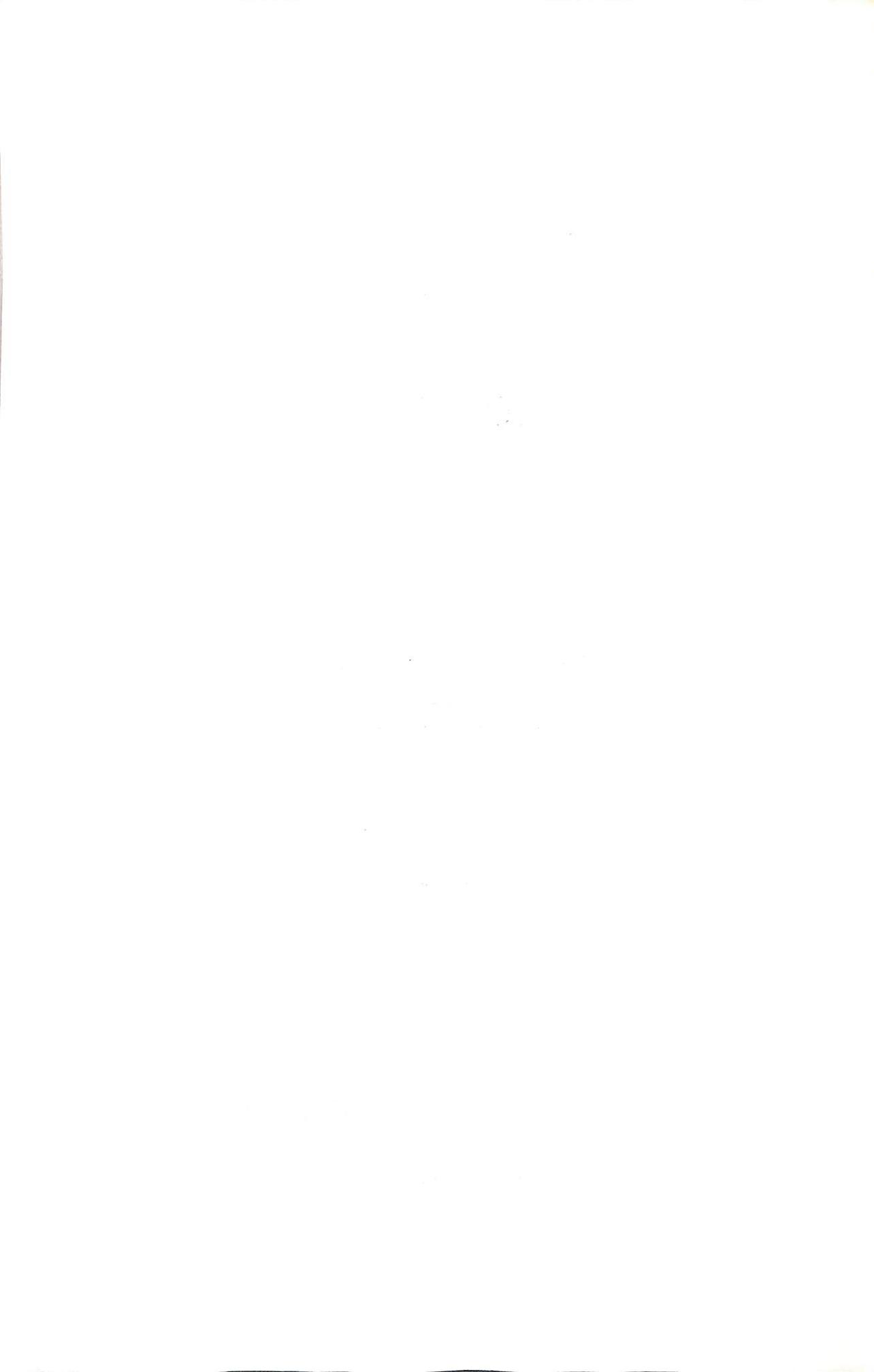
JULIANI IMPERATORIS
EPISTULAE

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН
ПИСЬМА

*

ПЕРЕВОД *Д. Е. ФУРМАНА*
ПОД РЕДАКЦИЕЙ *А. Ч. КОЗАРЖЕВСКОГО*

(Продолжение)

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

ПИСЬМА

9. К КОНСТАНЦИЮ¹ (17)

5. Я сохранял, сколько было возможно, непоколебимую верность своим принципам как в своем личном поведении, так и в выполнении взятых на себя обязательств, всегда придерживаясь неизменного образа мыслей, как это с очевидностью ясно из множества фактов. 6. С того самого момента, когда ты, сделав цезарем, послал меня, дабы я сражался среди грозного шума брани, я довольствовался предоставленной мне властью и как верный слуга доводил до твоего слуха частые вести о следовавших одна за другой желанных удачах, никогда не подчеркивая перенесенных мною опасностей, хотя многими свидетельствами можно было бы доказать, что в воинских трудах, в разгроме и рассеянии германцев меня всегда видели первым, а в отдохновении от трудов — последним. 7. Если же теперь произошла, как ты думаешь, некоторая перемена, то я, с твоего позволения, скажу следующее: солдаты, проводившие свою жизнь во многих тяжелых походах, не получая от этого никакой выгоды, выполнили то, что давно задумали, настоятельно требуя этого, так как тяготились командиром второго ранга, полагая, что от цезаря они не смогут получить никаких наград за продолжительный труд и многочисленные победы. 8. Их раздражение по поводу того, что они не получали ни повышений в чинах, ни ежегодного жалованья за службу, усилилось вследствие неожиданного приказа им, людям, привыкшим к климату холодных стран, двинуться в отдаленные области Востока, разлучившись с детьми и женами, и тащиться без денег и экипировки. И вот они, необычайно рассвирипев, ночью собрались, окружили дворец и стали частыми и громкими криками провозглашать Юлиана августом. Признаюсь, меня обуял ужас и я ушел от них подальше и, не совершая, пока было возможно, несправедливого поступка, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных

¹ Письмо к Констанцию дошло в сочинении Аммиана Марцеллина (XX, 8, 5—17). Аммиан пишет, что после восстания галльских легионов в мае 360 г., провозгласивших Юлиана августом, Юлиан решает зимой 360—361 гг. вступить в переговоры с Констанцием и отправляет к нему со своими придворными Евтерием и Пентадием нижеследующее письмо (XX, 8, 2—4, 18—19). Приводится оно от первого лица, но его текст у Аммиана предваряет такая фраза: «... erat autem litterarum sensus huiusmodi». Полной уверенности в дословной точности текста Аммиана, разумеется, быть не может. Об этом письме сообщают также Зонара (XIII, 10, 16), Аврелий Виктор (46, 12), Зосим (III, 9, 3), Либаний (XVII, 106) и сам Юлиан в «Письме к афинянам». Письмо переведено на русский язык как часть сочинения Аммиана Ю. А. Кулаковским: Аммиан Марцеллин, История, вып. II, Киев, 1907, стр. 28. Мы старались следовать в основном за переводом Ю. А. Кулаковского, однако в ряде мест были вынуждены от него отступить.

покоях². Но когда уже нельзя было оттянуть решения, я, хотя, если можно так сказать, единственным моим щитом была незащищенная грудь, встал на виду у всех, полагая, что удастся успокоить волнение авторитетом и ласковым увещанием. 10. Но они были паразитально возбуждены и дошли до того, что всякий раз, когда я пытался сломить их упорство просьбами, в бешенстве бросались ко мне, угрожая смертью. Я был, наконец, побежден и, успокаивая себя сознанием, что, если меня убьют, кто-нибудь другой, возможно, с радостью позволит провозгласить себя императором, дал им свое согласие, думая, что смогу успокоить возмущение вооруженных людей³.

11. Вот как все это случилось, и я прошу тебя отнестись к этому спокойно. Не будь превратного мнения об этом и не внимай зложелателям, которые обычно своим наущничаньем раздувают в личных интересах раздоры между государями; но отогнав прочь лесть — кормилицу пороков, привлеки к себе справедливость — эту величайшую из всех добродетелей. Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу и римскому государству, и нам самим, связанным между собою как узами родства, так и высоким положением, которое нам даровала судьба. 12. Извини меня... но я желаю не столь видеть осуществленными эти разумные требования, сколь знать, что они одобрены тобою и признаны правильными и полезными; я и в дальнейшем буду с нетерпением ожидать твоих предписаний.

13. В нескольких словах я изложу, что необходимо сделать. Я буду поставлять упряжных лошадей из Испании и для пополнения гентиллов и скутариев⁴ — молодежь из летов, варварских семейств, живущих по сю сторону Рейна, или же из дедитициев, которые к нам переходят⁵. И я обязуюсь исполнять это до самой смерти не только с охотой, но и с величайшим рвением. 14. Префектов претория из людей, известных своими заслугами и справедливостью, будет назначать нам твоя милость, но назначение остальных гражданских правителей и офицеров армии, равно как и телохранителей, стоит отдать на мое усмотрение. Ведь было бы неразумным, когда можно заранее избежать этого, приближать к особе императора людей, нравы и настроение которых неизвестны.

15. Вот что, однако, я позволю себе заявить без малейшего колебания: галлы, пострадавшие от постоянных тревог и тягчайших бедствий, не будут в состоянии ни по своей воле, ни по принуждению доставлять рекрутов в далекие чужие земли; они уже теперь подавлены воспоминаниями о прошедших событиях, которые почти погубили их молодежь, и перед новыми грозными событиями они придут в полное отчаяние. 16. Не подобает вызывать отсюда вспомогательные отряды для борьбы с парфянскими племенами, когда до сих пор не устранена опасность варварских нашествий и когда (если позволишь сказать правду) эти провинции, истерзанные непрерывными бедствиями, сами нуждаются в помощи извне и даже значительной.

² В подлиннике стоит: «*amendatusque dum potui, salutem missatione quaeritabam et latebris*», Ю. А. Кулаковский переводит: «... пока это было возможно, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных покоях».

³ Можно усомниться в искренности Юлиана. Вполне возможно, что он и такие его друзья, как Орибасий, приложили руку к разжиганию в войсках недовольства Констанцием (см. письмо 8).

⁴ Отборные части, набравшиеся из варваров.

⁵ Леты — покоренные варвары, поселявшиеся на римской территории и служившие в римских войсках; дедитиции — варварские отряды и отдельные варвары, поступавшие на службу в римскую армию.

17. Я изложил свои советы, надеюсь, полезные, свои требования и просьбы. Ведь я знаю, я прекрасно знаю (чтобы не сказать ничего не подобающего высшей власти)⁶, из каких трудных и отчаянных положений благополучно выводило государство согласие государей, уступавших друг другу. Из примера наших предков ясно, что правители, державшиеся такого образа мыслей, находили всегда стезю к счастливой и прекрасной жизни и оставили самым отдаленным потомкам добрую о себе память.

10. МАКСИМИНУ¹ (19)

Я приказал, чтобы у Кенхрей² были готовы суда. Сколько — ты узнаешь у правителя эллинов³, а как ты должен выполнить это поручение, услышь от нас: без взяток и быстро. А о том, чтобы ты впоследствии не пожалел о такой услуге, я сам, с помощью богов, позабочусь.

11. К КОРИНФИЯНАМ¹ (20)

«Дружеские чувства к вам унаследованы мною от отца. Ведь отец мой жил у вас и, выехав отсюда, как от феаков Одиссей, избавился от долгих скитаний». И затем, немного распространившись о злодейке-мачехе²: «Здесь, — говоришь ты, — отец отдохнул».

12. К НЕИЗВЕСТНОМУ¹ (25b)

Мы прошли у Геркинского леса, и я увидел нечто необычайное. И вот я смогу смело поручиться тебе, что никогда в Римской империи не было видано ничего подобного, во всяком случае, насколько нам известно. А если кто считает трудно проходимыми Фессалийские Темпей или Фермопильское ущелье, или громадный и неизмеримый Тавр, пусть знает, что эти препятствия — ничто по сравнению с тем, что носит имя Геркинского леса.

⁶ В подлиннике стоит: «Scio enim, scio, ne quid sublatius dicam quam imperio congruit».

¹ Кто такой Максимин — неизвестно. Наиболее вероятно, как это утверждает Биде и предполагает Райт, письмо написано перед или во время похода против Констанция.

² Кенхрей — порт на Коринфском перешейке.

³ Скорее всего, проконсул Ахайи. Здесь, очевидно, Публий Ампелий, бывший проконсулом до 362 г. Его заменил Ветгий Агорий Претекстат (A m m. M a r c., XXII, 7, 6).

¹ Этот отрывок из послания Юлиана к коринфянам цитируется в 14 речи Либания «К Юлиану за Аристофана» (см. письмо 48). Это письмо, как говорит Либаний, было написано во время похода на Констанция, когда Юлиан, оправдывая свои действия, пишет также послания к афинянам (дошедшее до нас) и к римскому сенату (A m m. M a r c., XXI, 10, 8).

² Елена, жена Констанция Хлора, мать Константина I и мачеха Юлия Констанция, отца Юлиана. Юлий Констанций — сын Констанция и Феодоры, дочери Максимиана. Во время правления Константина большую часть времени проводил в своего рода изгнании, вдали от двора.

¹ Это — отрывок, очевидно, из какого-то недошедшего до нас письма Юлиана, описывающего его военные дела. О том, что у него были такие источники: E u p a r., fr. 9; L i b a n., XIII, 25; Ep. 35; Ep. 610, но также не дошедшего до нас) см. Z o f r. s i m., III, 3, 2; L i b a n., XVIII, 94. Евнапий (fr. 14,7) называет адресата одного из таких писем, некоего Килления, очевидно составителя истории походов Юлиана, и так же полагает, что данный фрагмент — из этого письма. В нем описывается экспедиция в Геркинский лес на германской стороне Рейна после битвы при Аргенторате в 357 г. Об этой экспедиции и о страшном впечатлении, которое производил этот лес, — см. A m m. M a r c., XVII, 1, 8. Отрывок дошел в лексиконе «Свиды», s. v. Хрѣма.

13. МАКСИМУ-ФИЛОСОФУ¹ (26)

- 414 Все разом обступает меня и не дает говорить — ни одна из моих мыслей не уступает дороги другой — назови это душевною болезнью или уж как тебе угодно. Но дадим сообразно со временем каждой из них свое место и возблагодарим всеблагих богов, которые пока дают мне возможность писать, а может, и позволят нам увидеть друг друга. Как только я стал императором (против своей воли, как знают боги — я тогда сделал это, насколько было можно, ясным²), я предпринял поход³ на варваров, что заняло три месяца, а вернувшись к галльским берегам, внимательно следил и спрашивал проходящих оттуда, не прибыл ли какой-нибудь философ или ученый, носящий потертый плащ или хламиду. А когда я был у Бизентиона⁴ (сейчас этот городок только восстановлен, а раньше это был большой город, украшенный великолепными храмами, хорошо укрепленный стеной, а также и самим характером местности — ведь его окружает река Дубис, и это место подобно как бы выступающему в море каменному утесу, и, должен сказать, оно и самим птицам малодоступно, кроме тех мест, где берега окружающей его реки выступают вперед), то вблизи этого города мне повстречался некий муж-киник в старом плаще и с палкой. Заметив его издали, я подумал, что это никто иной, как ты. И уже подойдя ближе, я решил, что, во всяком случае, он — от тебя. Но хотя этот муж оказался дружественным нам человеком, моих надежд он не оправдал. Вот какой сон мне пригрезился наяву. После этого я стал думать, что тебя, очень заинтересованного в моих делах, я не найду нигде за пределами Эллады. Пусть знает Зевс, пусть знает великий Гелиос, пусть знает могучая Афина, пусть знают все боги и богини, как, придя от галлов в Иллирик⁵, я дрожал за тебя. Я спрашивал о тебе у богов. Не отваживаясь делать это сам (ведь сам я не мог ни видеть, ни слышать о том, что, как и можно было предполагать, происходит с тобой в это время), я поручал это другим. И боги ясно показали мне, что у тебя будут кое-какие неприятности, однако не сообщили ничего страшного и ничего такого, при чем могли бы осуществиться нечестивые замыслы.
- Но ты видишь, что я прошел мимо многих значительных событий, о которых тебе очень и очень стоит знать: как часто мы ощущали

¹ Максим Эфесский — видный деятель позднего языческого неоплатонизма, «чудотворец». Жизнь его описана Евнапием (VII). Максим оказал большое влияние на Юлиана, который, услышав в Пергаме о его чудесах, покинул Эдессия и отправился к нему в Эфес. Став августом, Юлиан настоящим письмом приглашает Максима во дворец, и тот приезжает, несмотря на дурные знаменья, убоявшись которых не приехал его товарищ Хрисанфий. Во время своего путешествия ко двору Максим был окружен необычайным почетом (E u n a p., VII), а когда он прибыл в Константинополь, Юлиан, узнав о его прибытии, прерывает заседание сената (A m m. M a r c., XXII, 7, 3; L i b a n., XVIII, 155). Максим сопровождает Юлиана в Антиохию (L i b a n., XIV, 32—34; I, 123) и в Персию, причем присутствует при его кончине (A m m. M a r c., XXV, 3, 23). В 371 г. Максим был казнен Валентом за соучастие в заговоре Феодора (A m m. M a r c., XXIX, 1, 42; Z o s i m., IV, 15). Письмо написано, очевидно, сразу после того как Юлиан узнал о смерти Констанция 3 ноября 361 г., скорее всего из Ниса.

² (ἄκων, ὡς ἴσασιν οἱ θεοὶ καὶ τούτο + αὐτοῖς εἰ + καταφανὲς ἐν ἐνεδέυστο τρέπον ἐπιήρησα). Место, отмеченное Биде, как с трудом разбираемое в кодексах. Получается, как будто Юлиан сделал свое нежелание ясным для богов, что бессмыслица, ибо боги — всевидящи.

³ Поход на франков-аттуариев, описанный Аммианом (XX, 10).

⁴ Современный Безансон.

⁵ Этот поход описан Аммианом (XXI, 8), Зосимом (III, 10), Либанием (XVIII, 111—120).

присутствие богов ⁶, каким образом мы избежали столь великого множества заговоров ⁷, причем никого не убили, ничье имущество не отняли и арестовали только тех, кто попался с поличным. Наверное, нужно было не писать об этом, но рассказать, а впрочем, я думаю, что, так или иначе, ты узнаешь это с большой радостью. Мы открыто выполняем все религиозные обряды, и основная масса идущего со мной войска почитает богов. Мы на глазах у всех приносим в жертву быков. Многими гекатомбами мы воздаем за себя богам благодарность. Боги велят мне во всем, насколько возможно, соблюдать чистоту, и я усердно повинуюсь им. Говорят, что, если только мы не будем лениться, наши труды дадут большие плоды.

Пришел к вам Евагрий ⁸
 почитаемого нами бога.

Еще многое приходит мне в голову, кроме этого, но нужно кое-что сохранить и к твоему приходу. Итак, приезжай, с помощью богов, как можно скорее и возьми две или больше общественные повозки. Я послал двух самых верных слуг — один из них будет сопровождать тебя до ставки, а другой сообщит нам, что ты уже выехал и едешь. А кого из них и для чего ты хочешь использовать — укажи этим отрокам сам.

382

14. ЮЛИАН ЮЛИАНУ-ДЯДЕ (28)

В начале третьего часа ночи, даже не имея писца, потому что все они заняты, я с трудом нашел в себе силы написать тебе эти строки. Милостью богов мы живы и освобождены от необходимости или терпеть чудовищное, или самим поступать чудовищно. Да будут свидетелями Гелиос, которого я больше всех просил помочь мне, и царь Зевс: я никогда не молил убить Констанция, напротив, молился о том, чтобы этого не случилось. Почему же я пришел? Потому что боги четко и ясно повелели мне это, обещая спасение, если я послушаюсь их, а если бы я остался на месте, никто из богов не оказал бы мне помощи. Более того, даже когда он объявил меня врагом, я думал, что он только пугает, и надеялся, что обстоятельства приведут к подобающим переговорам; если же он решился на войну, то я, предоставив все судьбе ² и богам, решил ждать, что будет угодно их человеколюбию.

⁶ О частых видениях и «вещих» снах, которые имел в это время Юлиан, см. его письма к Юлиану-дяде (14), к Орибасию (8), где он говорит о своем пророческом даре, а также *A m m. M a g c.*, XX, 5, 10; XXI, 2, 2; *Z o s i m.*, III, 9, 6.

⁷ В тексте стоит: τὸ τοσοῦτον τῶν ἐπιβουλῶν πλῆθος. Известно об одном заговоре против Юлиана в Галлии (*A m m. M a g c.*, XX, 4, 20—22; *L i b a n.*, XVIII, 102).

⁸ Об Евагрии см. письмо 1.

¹ Юлиан — брат Василины, матери Юлиана. Под влиянием своего племянника стал язычником и был сделан им *comes Orientis* (см. поздравляющее его 701 письмо Либания). На этом посту он, по словам Юлиана (*Misop.* 365c), показал себя обладающим прекрасными административными данными, а также антихристианским рвением, щим особенно проявившимся после пожара храма Аполлона в Дафне, когда он закрыл и осеквернил антиохийскую церковь. Вскоре он умер от тяжелой болезни, в чем христиане увидели наказание свыше (*S o z o m e n.*, V, 8; *T h e o d o r e t.*, III, 12; *P h i l o s t o g.*, VII, 10). О болезни и смерти Юлиана сообщает также Аммиан (XXIII, 1).

Письмо написано, очевидно, приблизительно в то же время, что и предыдущее. Описываемая обстановка говорит скорее всего о том, что оно не могло быть написано в Константинополе, куда Юлиан прибыл 11 декабря 361 г.

² У Биде в тексте τῆ Τύχῃ. Получается непонятное противопоставление Тихе богам. Ван Гронинген исправляет: τῆ Τύχῃ.

15. ЮЛИАН ЕВТЕРИЮ¹ (29)

Мы живем, хранимые богами, и ты принеси им за меня благодарственную жертву; эту жертву ты принесешь не за одного человека, но за всех эллинов. А если у тебя будет время и в Константинополь переправиться, то мы немало² почтим твое прибытие.

16. ФЕОДОРУ (ГЛАВНОМУ ЖРЕЦЮ)¹

Получив твое письмо, я, естественно, обрадовался: да и как мне было не обрадоваться, узнав, что мой товарищ и лучший из друзей жив и здоров. Но передать словами, какое состояние у меня было, когда, сняв затягивающий его шнурок, я много раз перечитал его, я бы не смог. Я был исполнен безмятежного спокойствия и радостно принял письмо. И как бы раскрылся передо мною твой благородный образ. Ответить на него пункт за пунктом заняло бы слишком много места и, очевидно, привело бы к излишней болтливости. Но все же я не замедлю сказать, что мне больше всего понравилось. Это прежде всего спокойствие, с каким ты перенес наглость, допущенную по отношению к нам правителем Эллады (если только его действительно следует назвать правителем, а не тираном)²; ты здраво рассудил, что это вовсе не должно волновать тебя³. А что ты хочешь и стремишься помочь городу, в котором ты провел много времени, — ясное свидетельство философского склада ума⁴. Первым ты, как мне кажется, похож на Сократа, а вторым, по-моему, — на Музония. Ведь тот сказал⁵, что недопустимо, чтобы добродетельный муж претерпел вред от какого-либо худшего и ничтожного, а этот проявил заботу о Гиаре, когда Нерон⁶ приговорил его к изгнанию.

Я одобряю в твоём письме и то и другое, но не знаю, каким образом принять третье. Ведь ты просишь меня указать в письме все, что,

¹ Все, что известно об Евтерии, сообщает Аммиан. Евтерий — родом из Армении, ребенком был взят в плен каким-то соседним племенем, обращен в рабство и кастрирован. Он был при дворе Константина и Константа евнухом, а затем препозитом опочивальни у Юлиана в Галлии. Аммиан говорит о влиянии Евтерия на Юлиана и его необычайном уме и честности — качества, которые Аммиан считал несвойственными евнухам (A m m. M a g c., XVI, 7, 4—7). Юлиан дважды дает Евтерию ответственные дипломатические поручения: в 356 г. — оправдаться перед Констанцием в клевете, возводимой на Юлиана магистром конницы Марцеллом (A m m. M a g c., XVI, 7, 2), и в 360 г. — передать Констанцию послание, рассказывающее о восстании в Паризиях (письмо 9 — A m m. M a g c., XX, 8, 19).

² Употреблено слово *διabήναι* — «пересекать», «переезжать», «переправляться»; очевидно, имеется в виду переправа через Босфор.

¹ Феодор известен только из писем Юлиана (настоящего письма и письма 38). Феодор — язычник, неоплатоник, судя по 38 письму, имевший общего с Юлианом наставника, очевидно, Максима Эфесского, был назначен Юлианом главным провинциальным жрецом. Датировка письма не ясна. Не ясно даже, написано ли оно до или после смерти Констанция, ибо титул «главного жреца» мог быть прибавлен переписчиком.

² Эпизод неизвестный. «Мы», — может быть, язычники.

³ В тексте Биде: ... *ὅτι τὴν παρούσῃαν, ἣν εἰς ἡμῖς ὁ τῆς Ἑλλάδος ἡγεμόν πεπερωνηκεν* ... *οὗτοι βαρέως ἠνεγκασι, οὐδὲν ἠγούμενος τούτων εἰς σὲ γεγονέναι*. Ван Гронинген заменяет *οὗτοι βαρέως* на *οὕτω βαθέως*. Это меняет смысл, и в русском переводе фраза будет звучать так: «то прежде всего то, что тяжело (глубоко) перенеся наглость..., ты (все же) здраво рассудил...».

⁴ Какому городу и как помог Феодор — неизвестно.

⁵ P l a t o, Apolog. Socr., 300.

⁶ См. P h i l o s t r a t., Vit. Apollon. VII, 16, 3. Музоний, сосланный Нероном на Гиару — один из безводных Кикладских островов, открыл там воду.

по моему мнению, ты сказал или сделал неправильно. Я могу сказать много в доказательство своего убеждения, что подобные советы нужны больше мне, чем тебе, но откладываю это до следующего раза. Все же такое требование тебе, пожалуй, не подобает: ведь у тебя есть в избытке досуг, и природа тебя хорошо одарила, и философию ты любишь, как никто другой. Вот — те три обстоятельства, которых в их совокупности было достаточно, чтобы сделать Амфиона изобретателем древней музыки: «время, божественный дар и страсть к сложению песен»⁷. Даже отсутствие инструментов не может помешать этому, но и их без труда изобретает тот, кто обладает этими тремя дарами. В самом деле, разве не дошел до нас слух, что Амфион изобрел не только лады, но кроме того и лиру, то ли при помощи своего божественного рассудка, то ли получив ее как дар богов, то ли по удивительной случайности?⁸ Большинство древних обладали истинной философией, наверное потому, что стремились именно к этим трем благам и ни в чем ином не нуждались.

И посему как раз ты и должен прийти мне на помощь и в своих письмах советовать мне, что нужно и чего не нужно делать. Ведь мы видим, что не те солдаты нуждаются в союзниках, кто находится в мире, но, по моему мнению, те, кто испытывает всю тяжесть войны, и не те кормчие, кто не находится в плавании, зовут на помощь плывущих, но те, кто в море, призывают не занятых. Итак, прежде всего кажется справедливым, чтобы имеющие досуг помогали тем, кто занят делами, сотрудничали с ними и указывали им, что надлежит предпринять, конечно, при том, как я думаю, условии, если заботятся они об одном и том же. И хорошо, если ты будешь это держать в уме и делать для меня то, что я, по-твоему, должен делать для тебя. А если тебе угодно, давай условимся, что я буду делиться с тобой своими мыслями о всех твоих делах, а ты, со своей стороны, — своим мнением о моих словах и поступках. Я думаю, ничто не может быть для меня лучше такого обмена.

Да хранит тебя в долгом здравии на долгие времена божественное провидение, брат мой возлюбленный. Я молюсь, чтобы скорее увидеть тебя.

373

17. ПРОЭРЕСИО-СОФИСТУ¹ (31)

Почему же я не собираюсь приветствовать прекрасного Проэресия, мужа, богатого даром слова, как богаты водой реки, изливающие свои воды на равнины, соревнующегося в красноречии с Периклом, но, в отличие от него, не беспокоящего и не «будоражающего Элладу»²? И не нужно удивляться, если я, обращаясь к тебе, подражаю лакон-

374

⁷ E u r i p i d., fr. 192.

⁸ У Вилде: ... «εἴτε» διὰ τινὰ συντυχίαν ἀμύχανον; Καὶ τῶν παλαιῶν... Ван Гронинген предлагает чтение: Διὰ τινὰ συντυχίαν ἀμύχανον καὶ τῶν παλαιῶν οἱ πλείστοι. В этом случае русский перевод будет: «И благодаря некоей удивительной случайности большинство древних».

¹ Проэресий — знаменитейший софист своего времени, жизнь которого описана Евнашем (X). Родом из Армении, преподавал в Афинах. Приглашенный для выступления в Рим императором Константином, завоевал там такое признание, что римляне поставили ему бронзовую статую (E u n a r., X, 7). Проэресий — христианин (E u n a r., X, 8, 1), и когда Юлиан запретил преподавать риторам-христианам, он, по словам Иеронима (хроника 363 г.), сделал специальное исключение для Проэресия, которым тот не воспользовался. Тем не менее Проэресий был, очевидно, весьма поверхностным христианином, ибо Евнаший сообщает, что он прибегал к гаданию языческих жрецов (E u n a r., X, 8). Письмо написано, очевидно, зимой 361—362 г.

² A r i s t o p h., Acharn. 530.

ской краткости. Ведь это вам, мудрецам, подобает составлять великолепные и очень длинные речи; с нас же хватит, если мы обратимся к вам и с немногими словами. В общем знай, что на меня со всех сторон навалилось множество дел. Причины возвращения, если ты намереваешься писать историю, я тебе сообщу самым точным образом, представив, как письменное свидетельство, послания ³. Если же ты ^b решил до крайней старости предаваться упражнению телесным и ораторским, то, наверное, не будешь бранить меня за молчание.

381

18. ВАСИЛИЮ (ВЕЛИКОМУ) ¹

Есть поговорка: «Не войну объявляешь», я же добавил бы из комедии: «О, принесший весть златую» ². И давай, покажи это делами и поспеши к нам: ведь ты придешь как друг к своему другу. Правда, ^b совместная и настойчивая забота о государственных делах кажется тягостной тем, кто серьезно ими не занимается. Но те, кто разделяет с нами эти заботы, — лучшие люди, по моему мнению, достойные и благоразумные и вообще для всего пригодные. Они дают мне свободное время, так что я могу отдыхать, не запуская одновременно государственных дел. Ведь мы живем вместе без придворного лицемерия, ^c из-за которого те, кто хвалит других, ненавидят их больше, чем злейших врагов, а я думаю, что до сих пор ты только с ним и был знаком. Но мы с подобающей свободой, когда нужно упрекая и порицая друг друга, как настоящие друзья, не меньше любим друг друга из-за этого. А поэтому мы можем (да не возбудит это зависть), отдыхая, трудиться, трудясь, не перенапрягаться и спать спокойно: ведь бодрствуя, я бодрствовал не для себя одного, но, как это и следует, — ^d для всех прочих.

Наверное, я, страдая какой-то вялостью мыслей, надоел тебе своей пустой болтовней; расхвалил сам себя, как Астидам ³. Однако я и написал тебе это, чтобы ты понял, что твой приезд — приезд разумного мужа — значительно более доставит нам пользы, чем хлопот. ³⁸² Итак, я уже сказал: спеши и пользуйся государственной почтой: когда ты пробудешь у нас, сколько тебе будет угодно, мы тебя отпустим, как подобает, и ты отправишься, куда захочешь.

389

19. ЮЛИАН ГЕРМОГЕНУ, БЫВШЕМУ ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА ¹ (33)

Позволь мне сказать тебе в поэтически-риторическом стиле: «О, как неожиданно я спасся! О, как неожиданно я услышал известие и о

³ Скорее всего, имеется в виду или письмо 9 и ответ Констанция, в котором он отказывает в требованиях Юлиана (A m m. M a r c., XX, 9, 4), или захваченная Юлианом переписка Констанция с аллиманами, где он подстрекает их напасть на Юлиана в Галлии (L i b a n., XVIII, 113; A m m. M a r c., XXI, 3, 4).

¹ В кодексах стоит: «К Василию Великому», т. е. знаменитому кесарийскому епископу. Райт также полагает, что имеется в виду Василий Великий. Но, скорее всего, прав Биде, считающий, что такое название — домысел переписчика и адресат — какой-то другой Василий. Хотя Василий и Григорий Назианзин и были знакомы с Юлианом по учению в Афинах, однако ничто не говорит, что между ними была дружба. Из письма видно, что адресат был знаком с придворной жизнью предшественников Юлиана, а о каких-либо придворных связях Василия Кесарийского неизвестно. Ясно, что письмо написано тогда, когда Юлиан уже был императором. Биде датирует его зимой 361 — 362 года, так как, по его мнению, это было время, когда Юлиан скорее всего мог иметь досуг.

² A g r i s o p h., Plut. 268.

³ Автор трагедии, которому афиняне поставили статую и который хотел сам сочинить надпись на ней. Выражение это стало поговоркой (см. Ю л и а н, «Против Нила» — письмо 37).

¹ Гермоген из других источников неизвестен. Префектом Египта он мог быть лишь после 328 г. (до этого года префекты известны). Письмо написано, очевидно, сразу после смерти Констанция и вступления Юлиана в Константинополь, т. е. в конце 361 г.

твоем избавлении от трехголовой гидры!». Клянусь Зевсом, я имею в виду не моего брата Констанция (уж какой он был, такой и был), но тех окружавших его чудовищ, смотревших на каждого с вожделением и сделавших еще более жестоким того, кто и от природы-то не был ко всем мягким, хотя многим таким и казался. Ему же, так как он ушел из жизни, да будет, как говорят, земля пухом. А что касается этих — Зевс-свидетель! — я не хотел бы, чтобы они потерпели что-нибудь несправедливое. Но так как против них появилось много обвинителей, мною образовано для них специальное судилище². Ты же, мой друг, приезжай и поспеши изо всех сил. Я уже давно хотел посмотреть на тебя, клянусь богами, и теперь, когда услышал приятную весть, что ты жив и здоров, призываю тебя прийти.

20. ЕВСТАФИЮ-ФИЛОСОФУ¹ (34)

Не слишком ли банально это вступление — «добрый человек»? И уж само собой разумеется, ты знаешь, что будет за этим. И действительно, это и будет. Ведь как ученый ритор и философ, ты знаешь, что за этими словами последует: и если только мы оба хорошие люди, то ты имеешь во мне друга². О тебе я без колебаний могу утверждать, что ты действительно такой и есть, а уж о себе помолчу. О, если бы другие, узнав меня, убедились, что и я такой же. Но почему же я обхожу то, что нужно сказать, как будто говорю что-то нелепое? — Приезжай, спеш, и, как говорится, лети. Пусть тебя приведет благосклонный бог с Енодией-девой³. В твоём распоряжении будет государственная почта, так что, если хочешь, воспользуйся повозкой с двумя пристяжными.

415

21. ЕВСТАФИЮ-ФИЛОСОФУ (35)

«Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим», — так предписал мудрый Гомер¹. Но у нас с тобой дружба более прочная, чем обычные узы взаимного гостеприимства: ведь основа ее — это полученное нами воспитание и наше почитание богов. Поэтому несправедливо было бы меня обвинять в нарушении заповеди Гомера, если бы я пожелал, чтобы ты остался у нас подольше. Но видя, что твое слабое тело нуждается в большем уходе, я позволил тебе отправиться на родину и позаботился о том, чтобы ты доехал легко, с удобствами. Итак, тебе разрешено пользоваться повозкой государственной почты. Пусть сопутствуют тебе вместе с Асклепием все боги и пусть они дадут нам снова увидеться.

² Имеется в виду Халкидонский процесс (о нем см. *A m m. M a g s.*, XXII, 3; *L i b a n.*, XVIII, 152).

¹ Евстафий — известный философ-неоплатоник и оратор. Жизнь его описана Евстахием (VI, 5 слл.). В 358 г. отправлен Константином посланцем к Сипару «ut orifex suadendi» (*A m m. M e g s.*, XVII, 5). Он был женат на «ясновидящей» Сосипатре (*E u dendi*) (*A m m. M e g s.*, XVII, 5). Он был женат на «ясновидящей» Сосипатре (*E u dendi*) (*A m m. M e g s.*, VI, 6). Будучи человеком слабого здоровья, Евстафий умер вскоре после того как вернулся от Юлиана в родную Каппадокию. Сын Евстафия и Сосипатры стал известным языческим жрецом и философом в Египте (*E u p a r.*, VI, 9, 15 — VII). До нас дошло письмо к Евстафию Василия Великого.

Датировка 20-го письма, как и тесно связанных с ним по смыслу двух последующих, неясна, но, скорее всего, Юлиан приглашает Евстафия тогда же, когда он приглашает Максима и Хрисанфия (см. письмо 13), т. е. в конце 361 г.

² Юлиан не точно цитирует место из Еврипида (фр. 902), ставшее банальностью эпистолографии (*V a s i l.*, Ер. 63; *P r o s o p. G a z.*, 154): «Добрый человек, если он даже живет в отдаленной земле и я его никогда не видел, друг для меня». Из этого можно заключить, что Евстафия Юлиан никогда еще не видел.

³ Гермес и Геката, именовавшиеся также Енодием и Енодией.

¹ *Odys.* XV, 74 (пер. В. А. Жуковского).

22. ЕВСТАФИЙ-ФИЛОСОФ ЮЛИАНУ¹ (36)

Как повезло мне, что удостоверение² пришло поздно. Ибо вместо того чтобы трястись и бояться, путешествуя на повозке государственной почты и видя пьяных погонщиков и ленивых мулов, раскормленных, как говорил Гомер³, ячменем до пресыщения, терпеть поднятую пыль и страшный жаргон, и щелканье бича, на мою долю выпало путешествовать по тенистой дороге, усаженной деревьями, со многими родниками, со многими местами, очень удобными для отдыха тому, кто устал от утомительного летнего путешествия, где я всегда находил уголок, в котором легко дышится, в тени каких-нибудь платанов или кипарисов, в то время как в руке у меня был Федр Мирринусец или какой-либо другой из диалогов Платона. И вот все эти удовольствия, душа моя⁴, я получил от свободы, с которой путешествовал, и решил, что будет нехорошо, если не яodelюсь с тобой и не расскажу о них.

23. ЮЛИАН ФИЛИППУ¹ (40)

Клянусь богами, когда я еще был цезарем, я писал тебе и, помнится, не раз. Я хотел писать еще чаще, но мне мешало то одно, то другое, а после того как я был провозглашен августом — возникшая у меня с блаженной памяти Констанцием, как это говорится, «волчья дружба». Я крайне остерегался писать кому-нибудь за Альпы, чтобы не стать для него причиной больших неприятностей; и ты считай то, что я тебе не писал, свидетельством дружественных чувств — ведь язык часто отказывается быть в согласии с мыслями. Возможно, для частных лиц показывать письма царей простакам — предмет хвастовства и тщеславия, как служат для хвастовства кольца, носимые безвкусными людьми; настоящая же дружба бывает большей частью между людьми равного положения. Но бывает и иной род дружбы, когда восхищаются не притворно, но искренне и когда человек, превосходящий или способностями или тем, что ему даровала судьба, искренне любит человека кроткого, умеренного и благоразумного.

Письма эти полны всякого хвастливого вздора, и я сам часто ругаю себя, что они получаются слишком длинными и что я чрезмерно болтлив, хотя можно было бы по пифагорейским правилам быть сдержанным в речи.

Конечно, я принял символ дружбы — серебряную фиалу весом в мину и золотую номизму². И нам хотелось, как ты просил об этом в письме, позвать тебя к себе; но уж близка весна, зеленеют деревья, и ласточки, ожидаемые с минуты на минуту, как только прилетят, изгонят нас, товарищей по оружию, из дома и заставят покинуть пре-

¹ Сохранившийся в кодексах писем Юлиана ответ Евстафия, произведения которого до нас не дошли, традиционно включается в издания Юлиана.

² См. письмо 7, примечание.

³ *Πιάδ.* VI, 506 и XV, 263. «Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях» — перевод Н. И. Гнедича.

⁴ ὁ πάντα θεῖα καὶ ἱερὰ κερὰ λή.

¹ Филипп — возможно, каппадокиец, ревностный язычник, пострадавший после гибели Юлиана, с которым переписывался Либаний (см. O. Seeck, *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*, Lpz., 1906, стр. 240). Датируется письмо, очевидно, началом 362 года, когда Юлиан готовился отправиться из Константинополя через Малую Азию в Антиохию.

² Биде на выбор предлагает ряд переводов χρυσὸν νόμισμα: une pièce d'or, un jeton, une médaille d'or.

дела родной земли³. Отправимся же мы через вашу местность, так что у меня будет хорошая возможность, если будет угодно богам, встретиться с тобой в твоём доме. Я думаю, что это будет скоро, если только не помешает какой-нибудь демон, и об этом мы и молим богов.

387d

24. ЮЛИАН ЕВСТОХИУ¹ (41)

Мудрый Гесиод считал, что нужно созывать на праздники соседей, чтобы веселиться вместе², ибо они вместе с нами страдают и тревожатся, когда выпадает какое-нибудь неожиданное несчастье. Я же говорю, что нужно созывать друзей, а не соседей, и причина этому та, что сосед может быть врагом, а друг может быть врагом не больше, чем белое — черным, а горячее — холодным. И если нет иного доказательства тому, что ты — наш друг, и не только сейчас, но и издавна, и всегда одинаково благожелателен к нам, лучшим свидетельством будет наша к тебе давняя расположенность и привязанность. Итак, приходи и прими участие в празднике нашего вступления в должность консула. Тебя отвезет государственная почта на повозке с одной пристяжной. Если же нужно о чём-либо ещё помолиться, то мы призвали в помощь тебе благосклонную Енодию и Енодия³.

404b

25. ЮЛИАН АЭЦИЮ (ЕПИСКОПУ)¹

Я освободил от изгнания вообще всех, кто по тем или иным причинам был изгнан покойным Констанцием из-за безумия галилеян². Тебя же я не только освобождаю, но, помня наше старинное знакомство и близость, зову прийти к нам. Ты будешь пользоваться вплоть до нашей ставки повозкой государственной почты и одной пристяжной.

³ Имеется в виду поход на Персию.

¹ Известны Евстохий из Палестины — ритор и знаток законов, о котором часто говорил о своих письмах Либаний (см. Seesk, ук. соч., стр. 149), и другой Евстохий, каппадокийский юрист, упоминаемый «Свидой». Одному из них писал письма (189—191) Григорий Назианзин. Кому из них адресовано это письмо — неясно. Датируется оно, очевидно, временем незадолго до января 363 года, когда вступили в должность Юлиан и Саллюстий.

² H e s i o d., Opera et Dies, 343.

³ См. письмо 20, прим. 3.

¹ Аэций — крупнейший христианский богослов IV в., лидер догматической группировки аномиев (крайних ариан). Его доктрина изложена в «Панарии» Епифания Кипрского, который приводит и одно его подлинное произведение. О его биографии много сведений даёт арианский церковный историк Филосторгий. Аэций был очень близок к брату Юлиана, цезарю Галлу, который, обеспокоенный слухами о язычестве Юлиана, несколько раз посылал к нему Аэция (P h i l o s t o r g., III, 27). До нас дошло и письмо Галла к Юлиану, где говорится о поездке к нему Аэция (впрочем Биде и другими учёными оно признаётся сомнительным). После гибели Галла Аэций был сослан Констанцием во Фригию (P h i l o s t o r g., IV, 8). Настоящим письмом он возвращается из ссылки. Несмотря на заглавие, Аэций тогда еще не был епископом (P h i l o s t o r g., VII, 6). Филосторгий сообщает, что Юлиан хорошо принял Аэция и подарил ему имение на острове Лесбосе (IX, 4). Датируется письмо временем вскоре после указа о возвращении епископов, т. е. началом 362 года.

² Об этом указе сообщают: Historia acephala, 10; P h i l o s t o r g., VI, 7; T e o d o r., Hist. eccl. III, 4, 4; R u f i n., Hist. eccl. X, 28; S o c r a t., III, 1, 48; 24, 4; S o z o m e n., V, 5, 1.

380d

26. БИЗАЦЕНЦАМ¹ (54)

Мы возвратили вам всех членов совета и декурионов², которые или предались культу галилеян, или занялись чем-либо другим, что-
331 бы избежать курии, кроме тех, кто уже раньше отправлял литургии в метрополии³.

426

27. ЗЕНОНУ, ГЛАВНОМУ ВРАЧУ¹ (58)

И многое другое свидетельствует, что ты достиг высших степеней
врачебного искусства и что добропорядочность и умеренность твоей
жизни находятся в полном согласии с твоим искусством, а теперь к
b этому прибавилось высшее свидетельство: в свое отсутствие ты скло-
нил на свою сторону город александрийцев; такое жало ты, как
пчела, оставил после себя. И это естественно. Ведь прекрасно, как
я думаю, сказано у Гомера: «Опытный врач драгоценнее многих
других людей»². Ты же не просто врач, но и учитель стремящихся
с овладеть этим искусством, так что для врачей ты почти то же, что вра-
чи для всех остальных людей. И эта самая причина кладет конец,
и притом блистательный, твоему изгнанию. Ведь если ты был уда-
лен из Александрии из-за Георгия, то был удален не по праву, и поэ-
тому твое возвращение было бы в высшей степени справедливо. Итак,
приходи обратно с честью и прежним почетом; у нас же пусть будет
двойная радость — что александрийцам возвращен Зенон, а тебе —
Александрия.

443

28. АЛЕКСАНДРИЙЦАМ¹ (59)

Я слышал, у вас есть каменный обелиск значительной высоты,
b который брошен на берегу как нечто ничего не стоящее. Блаженной
памяти Констанций построил специальное судно, чтобы перевезти
его в Константинополь, мой родной город². Но когда ему пришлось,
по воле богов, уйти из этого мира туда, куда нам всем суждено уйти,
город стал требовать от меня обещанного им дара, а этот город — моя
родина и мне он ближе, чем ему — он любил его, как сестру³, а я
с люблю его, как мать, — в нем я появился на свет, в нем я вырос и
не могу быть к нему неблагодарен⁴.

¹ До нас дошел закон Юлиана от 13 марта 362 г. (С. Th., XII, I, 50), в котором сказано: «Декурионы, которые как христиане уклонялись от выполнения своих обязанностей, возвращаются на место» (см. также S o z o m e n., V, 5; P h i l o s t o r g., VII, 4). Таким образом, это мероприятие — не исключение по отношению к бизаценцам (очевидно, жителям провинции Бизацены в Африке). Возможно, причиной написания особого письма к бизаценцам была их петиция, поданная до 13 марта 362 г. Написано письмо, очевидно, около этого же времени.

² В тексте стоит: τὸς βουλευτὰς... καὶ τὸς πατροβούλους. Второй термин неясен. Биде оставляет его без перевода.

³ Метрополия Бизацены Гадрумет. Биде считает, что Юлиан регламентирует отправление литургий лишь в метрополии, но не в маленьких городах.

⁴ Зенон — знаменитый врач, учитель Орибасия (см. E u n a p., XX, 1, 2; XI, 1, 2; XX, 11, 71). Про изгнание Зенона, вызванное, очевидно, религиозными причинами, говорится в 171 письме Либания. Так как в письме нет никакого намека на убийство 24 декабря 362 г. Георгия (см. письмо 29, прим. 1), письмо написано до этого времени.

¹ Πιάδ. XI, 514 (пер. Н. И. Гнедича).

² Из содержания письма видно, что Юлиан еще не знал об убийстве Георгия Каппадокийского 24 декабря 361 г., следовательно, письмо написано до этого времени.

³ Очевидно, Констанций сделал такое обещание после того, как он поставил подобный обелиск в Риме (A m m. M a g s., XVII, 4).

⁴ Констанций II — сын Константина I, а Константинополь — город, построенный Константином, образно говоря, его дитя и, следовательно, сестра Констанция.

⁵ Известно, что Юлиан старался украсить и благоустроить Константинополь. По свидетельству Зосима (III, 2, 3), он создает там новый порт и новую библиотеку.

Так что же? Так как и вас я люблю не меньше, чем свою родину, то я даю вам поставить у себя медную статую ⁵. Недавно сделана колоссальной величины скульптура, и если вы ее установите, то у вас вместо дара из камня будет дар из меди, статуя человека, изображение которого вы, по вашим словам, хотите иметь, вместо четырехугольного камня с египетскими письменами. Ходят слухи, что есть какие-то люди, которые поклоняются там и спят на его вершине, и это еще более убеждает меня, что из-за такого суеверия обелиск непременно нужно увезти ⁶. Ведь те, кто видит, что там спят и что такое место загрязнено и загажено (а ведь именно так и есть), не верят, что это — божественный предмет, и из-за суеверия тех, кто с ним связан, начинают меньше чтить богов. И именно из-за этого вам особенно нужно оказать содействие и отправить его ко мне на родину, которая дружелюбно встречает вас, когда вы приплываете в Понт, и так же, как вы помогаете в снабжении ее продовольствием, внести свой вклад и в ее внешнее убранство. И вам будет совсем не тягостно, если у нас будут находиться что-то ваше, и приплывая в наш город, вы всякий раз будете смотреть на это с радостью ⁷.

378 с

29. ИМПЕРАТОР ЦЕЗАРЬ ЮЛИАН ВЕЛИЧАЙШИЙ АВГУСТ
НАРОДУ АЛЕКСАНДРИИ (60)

Если уж вы не испытываете стыда перед вашим основателем Александром и даже перед великим и святейшим богом Сераписом, то неужели не возникло у вас никакой мысли об общественной пользе, гуманности и нравственности? Добавлю, и никакой мысли о нас, которого все боги, а прежде всего великий Серапис, сочли достойным управлять вселенной; ведь именно нам следовало позаботиться о расследовании относительно тех лиц, которые причинили вам несправедливость. Но наверное, злоба ввела вас в заблуждение и гнев, который обычно, «разум отнявши, на злые деянья толкает» ²: ведь вы поддались внезапному порыву и, уже приняв прекрасное решение, затем совершили беззаконие ³. И вы, свободные граждане, не постыдились

⁵ Биде, ссылаясь на недоступную нам книгу — R a b e, Petrus der Iberer, 1895, стр. 72 — говорит, что эта громадная статуя действительно была установлена и еще в V в. внушала суеверный страх христианам.

⁶ Место не совсем ясно. О столпничестве в Египте никакие источники не сообщают, и столпничество считается явлением специфически сирийским.

⁷ Этот обелиск времен Тутмоса III действительно был по приказу Юлиана отправлен в Константинополь, но судно не смогло дойти до места назначения и обелиск долгое время простоял в Афинах. При Феодосии I он был перевезен в Константинополь.

¹ Георгий — арианец, ставший александрийским епископом после третьего изгнания Афанасия. Он был ненавистен как православным сторонникам Афанасия, так и язычникам, по отношению к которым вел себя крайне вызывающе (A m m. M a r c., XX, 11, 5—7). После воцарения Юлиана накопившаяся ненависть прорвалась наружу и Георгий был зверски убит вместе с двумя другими фанатичными христианами — начальником александрийского монетного двора Драконтием и комитом Диодором. Убийство произошло в день крупнейшего митраистского праздника Dies Natalis Solis Invicti 24 декабря 361 г. Это событие описывают — Аммиан (XXII, 11), Созомен (V, 7), Сократ (III, 2, 3), Historia asepala (8), Филосторгий (VII, 2) и др. Письмо Юлиана дошло до нас в «Церковной истории» Сократа Схоластика (3, III, 4—25). О нем говорят также Созомен (V, 7, 8) и Аммиан (XXII, 11, 11). В письме Юлиана чувствуется желание оправдать александрийских язычников. Видно, что он понимает и разделяет их чувства. Письмо написано, очевидно, в начале января 362 г.

² Юлиан цитирует трагического поэта Меланфия. Эта цитата из сочинения Плутарха «О сдерживании гнева» (Moralia, 453) и является единственной дошедшей до нас цитатой из этого поэта.

³ У Биде — εἴτα τῆς ὀριῆς ἀνασταλέντες τῆς παραχρῆμα, <τοῖς> βεβουλευμένοις καλῶς ὄστερον ἐπηγάγετε τὴν παρανομία. Ван Гронинген читает: εἴτα τῆς ὀριῆς ἀναστειλάντες,

дерзнуть на то, за что других справедливо ненавидите?! Скажите мне ради Сераписа, за какие преступления вы ненавидите Георгия? Вы, конечно, ответите, что он натравливал на вас блаженнейшей памяти Констанция, затем ввел в священный город войска, а дукс Египта⁴ захватил святейший храм бога, похитив там изображения, дары и украшения святилища; когда же вы справедливо вознегодовали и попытались защитить бога, вернее собственность бога, он осмелился послать против вас солдат — несправедливо, незаконно и безбожно, — наверное, боясь Георгия еще больше, чем Констанция. Ведь Георгий тщательно наблюдал за ним, как бы он не повел себя по отношению к вам более умеренно и так, как подобает вести себя по отношению к гражданам, а не тиранически.

Итак, разгневавшись за это на врага богов Георгия, вы, хотя можно было предать его суду, сами снова осквернили священный город. Тогда это было бы не убийство, не беззаконие, а справедливый суд, который полностью избавил бы вас от нареканий, покарал преступного нечестивца и образумил всех прочих, кто пренебрегает богами и сверх того — ни во что не ставит города и процветающие общины, подобные вашим, считая, очевидно, что жестокость по отношению к ним увеличивает их собственные силы.

Сравните это мое письмо с тем, которое я написал вам недавно⁵, и обратите внимание, какое различие между ними. Как я хвалил вас тогда. А сейчас, клянусь богами, хотя и должен похвалить вас, из-за вашего беззакония — не могу. Граждане осмеливаются растерзать человека, как собаки — волка! И затем не стыдятся воздевать к богам руки, как будто они чистые и с них не каплет кровь. «Но Георгий был достоин претерпеть такое». Я сказал бы — даже худшее и более суровое, чем это. Вы скажете — «из-за вас». И с этим я соглашаюсь. Но если вы скажете еще — «от вас», на это нет моего согласия. Ведь есть у вас законы, которые все должны высоко чтить и уважать. И хотя случается, что отдельные лица и преступают законы, обществу в целом надлежит иметь хорошие законы, им повиноваться и не преступать того, что издавна было прекрасно узаконено.

Ваме счастье, мужи-александрийцы, что вы так погрелись именно в мое царствование, ибо я из-за благоговения, которое чувствую к богу, и ради моего деда и тезки, который правил самим Египтом и вашим городом⁶, сохраняю по отношению к вам братскую благожелательность. Строгая же власть и безукоризненное и суровое правительство никогда не посмотрели бы сквозь пальцы на дерзость народа, но излечили бы столь тяжелую болезнь еще более горьким лекарством. Я же в силу тех причин, о которых я говорил выше, обращаюсь к вам с ласковыми и увещательными словами. И я знаю, что они вас тем более убедят, что вы, как я слышал, — чистокровные эллины

τοῖς παραχρῆμα βεβουλευμένοις καλῶς ὄσπερον..., т. е. «Поддавшись гневу, вы, сразу же приняв прекрасное решение, затем совершили беззаконие».

Правильным решением александрийцев, о котором говорит Юлиан, было то, что вначале они заключили Георгия в тюрьму в ожидании суда (S o s r a t., III, 2; S o z o m e n., V, 7; Historia aсerphala, 8), но во время религиозного праздника страсти разгорелись и над ним учинили самосуд.

⁴ Артемий, которого Юлиан впоследствии тоже казнил (A m m. M a r c., XXII, 2, 2; T h e o d o r., III, 18) и которого христиане почитали как святого (см. «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии», русский перевод в издании «Сокращение церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием», СПб., 1854). Память Артемия празднуется православной церковью 20 октября (см. Арх. Сергей, Полный месяцеслов Востока, т. 2, Владимир, 1901, стр. 432—433).

⁵ Скорее всего, какое-то не дошедшее до нас письмо. Но, может быть, письмо 28.

⁶ Юлий Юлиан, отец Василины, матери Юлиана.

d и сейчас еще сохраняете в своей душе и в жизни замечательные и прекрасные черты, свидетельствующие об этом благородном происхождении.

Пусть это будет объявлено моим гражданам-александрийцам.

422

30. (ЭДИКТ, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ХРИСТИАНАМ
ПРЕПОДАВАТЬ¹) (61с)

Мы считаем, что истинное учение заключается не в прекрасном звучании речи, но в здравом суждении разумной души и истинных представлениях о хорошем и плохом, прекрасном и постыдном.

b И кто думает одно, а учит своих учеников другому, тот, очевидно, так же далек от преподавания, как и от того, чтобы быть честным человеком. И если у кого-нибудь в чем-либо, самом малом, есть расхождение между мыслью и словом, то все равно это — зло, хотя и терпимое; но если кто в величайших вещах думает одно, а учит другому, противоположному своим мыслям, то разве это не образ действий торгашей, причем не дельных торговцев, а самых негодных людей? c Ведь они восхваляют больше всего то, что сами же считают наиболее дурным, привлекая и обманывая похвалами тех, кому, как я думаю, хотят всучить свои плохие товары².

Итак, всем, заявляющим о своем намерении что-либо преподавать, надлежит быть людьми нравственными, не таить в душе мыслей, враждебных тем, какие они излагают публично, а более всего такими надлежит быть тем, кто наставляет юношей в искусстве слова и толкует древние сочинения — риторам, грамматикам, а еще более — софистам. Ведь они хотят быть для других наставниками не только в искусстве речи, но и в нравах и говорят, что к ним же относится преподавание политической философии.

d Правда это или нет — этого сейчас мы не затрагиваем. Я хвалю тех, кто стремится к столь прекрасной профессии, но я стал бы хвалить их еще больше, если бы они не лгали и не позорили сами себя, думая одно, а обучая своих учеников другому. В самом деле, ведь для 423 Гомера, и Гесиода, и Демосфена, и Геродота, и Фукидида, и Исократы, и Лисия боги были наставниками во всяком учении. Разве не считали себя одни из них — служителями Гермеса, другие — муз?

¹ Об эдикте, запрещающем христианам преподавать, произведшим очень большое впечатление, сообщают многие современники (Hieronymus, Chronica, a. 363; Orosius, VII, 30, 3; Amm. Marcellinus, XXV, 4, 20; Rufinus, Hist. eccl., X, 33; Augustinus, Confess., VIII, 5; Philostorgius, VII, 4).

В кодексе Феодосия (XIII, 3, 5) сохранился закон Юлиана следующего содержания: «Учителям и наставникам в образовании надлежит отличаться нравами, а уже затем — красноречием. Но так как я сам не могу присутствовать в каждом городе, то я приказываю, чтобы каждый, кто хочет преподавать, не захватывая неожиданно никого не спросив, эту должность, но после надлежащего испытания, по общему согласию всех лучших граждан, получал постановление сословия куриалов. Это постановление должно поступать на рассмотрение к нам, чтобы наше решение придавало еще большую честь делу преподавания в городах».

Очевидно, этот закон — сокращение написанного самим Юлианом греческого текста. Не удивительно, что в кодексе Феодосия ничего не говорится о запрещении преподавать христианам — в греческом тексте Юлиан дает мотивировку и аргументацию своего решения не допускать христиан к преподаванию, а в латинском тексте излагается та мера, при помощи которой это предполагалось достигнуть. Христианские писатели в своем стремлении усугубить «ужасы» правления Юлиана превратили этот указ в указ, запрещающий христианам учиться (Socrates, III, 12; Theodoretus, III, 8; Zonaras, XIII, 12; Gregorius Nazianzenus, Or., IV, 5, 6, 101, 102, 105; V, 39). Такого указа Юлиана, несомненно, не было.

² У Биде: ...τὰ σφέτερα ἐθέλουσιν, οἴμαι, κακὰ. Ван Гронинген предлагает чтение: ...τὰ σφέτερα ἐθέλουσιν καὶ ἡγνώσκουσιν εἶναι κακὰ — «то, что сами считают плохим».

Чудовищно, думаю я, толковать их творения и быть нечестивыми по отношению к богам, которых те почитали. Но, считая это чудовищным, я отнюдь не говорю, что они обязательно должны из-за учеников изменить свои убеждения, а предоставляю им свободу выбора: или не учить тому, что они не считают хорошим, или, если они хотят

b учить, то учить прежде всего делом и убеждать учеников, что ни Гомер, ни Гесиод, и никто из тех, кого они толкуют..... и чье невежество и заблуждение по отношению к богам они порицали, на самом деле не таковы. Ведь кто при этом кормится, зарабатывая деньги на их сочинениях, тем самым признаются, что они — корыстолюбивейшие люди, готовые на все ради нескольких драхм.

c До сего времени было много причин не посещать храмы, и нависающий со всех сторон страх мог служить извинением тем, кто скрывал истиннейшие представления о богах. Но теперь же, когда боги дали нам свободу, мне кажется чудовищным учить людей тому, что сам не считаешь хорошим. Но если они действительно считают мудрыми тех, толкователями и комментаторами кого они восседают, пусть прежде всего подражают им в почитании богов. Если же они полагают, что те обманывались в том, кого наиболее чтили, то пусть идут в церкви галилеян и там толкуют Матвея и Луку...

Ваш закон повелевает вам воздерживаться от мяса жертвенных животных; я же хочу, чтобы и ваши уши и язык, как вы выражаетесь, «возродились»...³ от того, в чем хорошо было бы всегда быть участником и мне и каждому, кто делает или думает так, как мне нравится.

Таков общий закон для всех учителей и наставников в образова-
424 нии. Но никому из юношей не запрещается посещать занятия. Ведь неразумно⁴ закрывать лучший путь перед мальчиками, не знающими еще, к чему обратиться, и против воли, страхом влечь их к вере предков. И хотя было бы справедливо лечить их и против собственной воли, как лечат безумных, мы оказываем снисходительность всем, b страдающим этой болезнью. Ибо, нужно, я думаю, учить, а не наказывать этих безумцев.

428 c

31. ФРАКИЙЦАМ¹ (73)

Императору, ищущему везде выгоду, ваша просьба показалась бы трудновыполнимой, и он никогда не допустил бы, чтобы ради частных лиц наносился ущерб общественному благосостоянию. Но так как нашей целью является не собрать с подданных как можно больше, но стать для них причиной как можно больших благ, то посему мы прощаем вам вашу задолженность. Прощаем же d вам не все целиком, но пусть одна часть пойдет вам, а другая — в пользу воинов. Очевидно, из этой части немалая доля пойдет на вашу же пользу, ибо вам будут обеспечены мир и безопасность. И таким образом, мы оставляем вам все, сколько за вами осталось от минувшего времени, вплоть до третьего индиктиона. После же этого вы внесете все, что полагается. Ведь мы вам простили достаточно много, и нам не следует пренебрегать общественным бла-

³ Ван Гронинген вставляет в этом месте: <καὶ καθαρῶναι> «и очистились».

⁴ У Биде: οὐδὲ γὰρ <εἰκότως> οὐδὲ εὐλόγως — «ведь неразумно и нецелесообразно». У Ван Гронингена: οὐδὲ γὰρ οὐδὲ εὐλόγως — «ведь совсем неразумно».

¹ Биде датирует письмо началом 362 года. О прощении Юлианом задолжностей городов см. A m m. M a r c., XXV, 4, 18. Письмо представляет собой, очевидно, ответ на петицию фракийцев.

429 гом. Я писал префектам о том, чтобы объявленная вам милость была осуществлена на деле. Да хранят вас боги в добром здравии во все времена!

32. [ЗАКОН ЮЛИАНА О ВРАЧАХ ¹] (75b)

398

b Очевидная польза врачебного искусства свидетельствует, что оно спасительно для людей. Поэтому справедливо возвещают дети философов ², что и оно сошло с неба — ибо им излечиваются и природныя наши недуги, и те, которые возникают от случившихся болезней. Посему в соответствии с разумом и справедливостью мы в согласии с постановлениями ранее бывших императоров и исходя из нашего человеколюбия повелеваем, чтобы в будущее время вы были свободны от курialsных повинностей.

375

33. АРИСТОКСЕНУ-ФИЛОСОФУ ¹ (78)

b [Разве нужно ожидать приглашения? Приходить, когда угодно, не лучше ли, чем никогда ²? Давай не будем вводить суровые правила и ожидать от друзей всего того, что обычно ожидают от случайных знакомых. Кое-кто удивился бы, услышав такие слова, как это мы, не зная друг друга в лицо, стали друзьями. А как быть тогда с теми, кто жил за тысячу лет до нас и даже, клянусь Зевтогда, за две тысячи лет? А ведь мы любим их, ибо все они были прекрасные и благородные люди ³. И мы сами хотим быть такими же, но все же, что касается меня, мы очень и очень далеки от них, хотя иногда наша любовь приближает нас к ним. Но что это я так разболтался? Если действительно следует, чтобы ты пришел без приглашения, ты, конечно, придешь и так, а если же ждешь приглашения — то вот — я умоляю тебя прийти. Ради Зевса, хранителя дружбы, встретимся в Тиане. Покажи нам здесь, в Каппадокии, чистого эллина! А то до сих пор, как я вижу, жертвы богам здесь приносить не желают, а те немногие, кто захочет, не знают, как это делать.

34. К НЕИЗВЕСТНОМУ ¹ (79)

Мы никогда не стали бы необдуманно покровительствовать Пегасию, если бы не знали достоверно, что и раньше, когда он считался галилейским, он понимал, что нужно почитать и бояться богов. И я говорю это не понаслышке от тех, кто говорит обычно из-за

¹ В кодексе Феодосия (XIII, 3, 4) сохранился следующий закон Юлиана от 12 мая 362 г. «К главным врачам»: «Разум и справедливость требуют, чтобы мы постановили, что должны соблюдаться привилегии, пожалованные вам древними императорами. А что посему, опираясь на твердое постановление нашей кротости, вы будете пребывать все будущее время свободными от всех тягот, связанных с общественными повинностями». Закон обращен к так называемым архиатрам — главным врачам и, очевидно, касался только их.

² φιλοσόφων παῖδες.

¹ Лицо неизвестно. Письмо написано после июня 362 г., когда Юлиан отправился из Константинополя через Малую Азию в Антиохию.

² Трудное для перевода место. В подлиннике стоит: καὶ τὸ «ἀεὶ» πρὸς τὴν μὴδαμὸς; Ван Грошинген вместо ἀεὶ — «всегда», «когда угодно», читает, τὸ ἀκλήτῃ — «незванно».

Употреблена формула καλοὶ τε καὶ ἀγαθοί.

¹ Адресат неизвестен. Как видно из текста письма, это какой-то языческий деятель, упрекавший Юлиана за покровительство Пегасию. Письмо написано, по мнению Биду, во время путешествия Юлиана из Константинополя в Сирию через Малую Азию после июня 362 г.

вражды или по дружбе, хотя и до меня доходило о нем многое в этом роде, и, клянусь богами, я полагал, что его нужно ненавидеть больше, чем самых презренных. Но когда я был вызван блаженной памяти Констанцием в ставку, я поехал этим путем и, встав рано утром, уже к полудню доехал от Трояды до Илиона². Пегасий вышел мне навстречу и, так как я хотел осмотреть город (для меня это был предлог для посещения храмов), то он стал моим гидом и всюду меня водил. Послушай-ка, что он говорил и делал: из этого можно заключить, что он не был совсем безумен по отношению к богам.

Там есть героон Гектора, и в маленьком храме там стоит его бронзовая статуя. А напротив нее на открытом дворе установлена статуя великого Ахилла. Если ты видел это место, то, конечно, поймешь, о чем я говорю. А от проводников ты можешь узнать историю, из-за чего напротив статуи Гектора стоит великий Ахилл, который занимает весь открытый двор. Я же, обнаружив, что алтари еще горят, вернее, даже пылают, а изображение Гектора умящено и блесит, сказал, посмотрев на Пегасия: «Что это? Илионяне приносят жертвы?», — я хотел незаметно выведать, какие у него мысли. Он же ответил: «А что плохого, если они почитают прекрасного мужа, их согражданина, как и мы — своих мучеников?». Сравнение, конечно, — неудачное, но при тогдашних обстоятельствах эта его логика была не такой уж плохой. Что же было дальше? «Пошли, — сказал я, — в святилище Афины Илионской». Он с большой охотой отвел меня туда, открыл храм и, как бы свидетельствуя, показал мне все статуи в полной сохранности. И он совсем не делал того, что обычно делают те нечестивцы, — чертят на своих нечестивых лбах знак нечестивца³, и не свистел, подобно им. Ведь свистеть демонам и крестить лбы — это две вершины их теологии.

Вот эти два обстоятельства я обещал сообщить тебе: но мне на ум пришло и третье, и о нем, я думаю, не следует умалчивать. Этот же Пегасий сопровождал меня и в храм Ахилла и показал мне могилу в полной сохранности — хотя мне сообщали, что и она полностью им разрушена. И приблизился он к ней с большим почтением — я это видел собственными глазами. И я слышал от тех, кто сейчас его враги, что втайне он молится и поклоняется Гелиосу. Не примешь ли ты мое свидетельство, даже если я и выступаю как частное лицо? Но кто может быть более достоверными свидетелями отношения к богам любого человека, чем сами боги? И разве мы назначили бы Пегасия жрецом...⁴ если бы имели хоть какое-нибудь свидетельство о его нечестивости к богам? В те времена или из-за властолюбия или, как он нам часто говорил, ради спасения святилищ богов, он одевался в эти тряпки и притворялся только по имени нечестивцем (ведь ясно, что он нигде не причинил никакого вреда храмам — кроме того разве, что выломал несколько камней из дома⁵, чтобы спасти остальное), и если принять все это во внимание, не будет ли нам стыдно поступить с ним, как сделал

² В конце 354 г., после гибели цезаря Галла, Юлиан был вызван в Милан Констанцием.

³ Знак нечестивца — крест.

⁴ Ван Гронинген находит в этом месте большую лакуну, не отмеченную Биде.

⁵ ἐκ καταλματος. Биде полагает, что имеется в виду гостиница для паломников при храме.

Афобий⁶, и причинить ему то, о чем все галилеяне молятся, мечтая увидеть его страдающим?

Если ты придаешь какое-нибудь значение моим желаниям, ты будешь почитать не только его, но и всех, кто обратился, чтобы они могли с большей охотой внимать нам, когда мы зовем их к добру, и чтобы наши враги имели меньше поводов радоваться. Но если мы будем изгонять тех, кто приходит к нам по доброй воле, никто не будет с охотой слушать наши увещания.

35. ЮЛИАНУ-ДЯДЕ¹ (80)

Если бы я почитал твои письма ничтожными, значит «разум мой, без сомнения, боги похитили сами»² — ибо какой из твоих добродетелей в них не заметно? — благожелательность, верность, искренность и сверх этого то, без чего все прочее ничто, — мудрость, которая проявляется во всем — и в остроумии, и в понимании, и в рассудительности. А что я не отвечаю тебе (и ты упрекаешь меня за это), то, клянусь богами, у меня не было времени, и не подумай, что все это — притворство или шутка. Боги красноречия мне свидетели, что, кроме Гомера и Платона, со мной нет ни одной книжечки из тех, какие все читают, — ни по философии, ни по риторике, ни по грамматике, ни по истории. Да и то, что у меня есть, привязано ко мне, как своего рода талисманы или амулеты. Даже мозаю я мало, хотя по-настоящему мне следовало бы сейчас более, чем когда бы то ни было, молиться часто и долго. Но я задавлен окружающими меня со всех сторон делами; ты, наверное, и сам увидишь это, когда я приеду в Сирию.

А относительно того, что ты мне написал, я все одобряю и всем восхищаюсь; ничто из этого не должно быть отвергнуто. Знай, что с помощью богов я все выполняю. И прежде всего — восстанови колонны в Дафне³. Забирай их из любых дворцов, где бы они были, и отсылай туда. Те, что взяты из конфискованных не давно зданий⁴, — установи на прежних местах. Если же все равно их будет не хватать, давай пока используем более дешевые колонны из обожженного кирпича и извести, отделанные снаружи под мрамор. Ведь ты и сам прекрасно знаешь, что благочестие — выше роскоши и что оно доставляет здравомыслящему большие радости на протяжении всей жизни.

А относительно дел Лаврикия⁵, я думаю, мне ничего писать не нужно, и я только советую тебе подавить в себе гнев, не при-

⁶ Неясно, о ком и о чем идет речь.

¹ О Юлиане-дяде см. письмо 14. Настоящее письмо датируется, как и предыдущее, временем после июля 362 г.

² *Iliad.*, VII, 360 (пер. Н. И. Гнедича).

³ Храм Аполлона в Дафне, запущенный во время Константина и Констанция и восстановленный и украшенный Юлианом (*A m m. M a r c.*, XXII, 13, 2). Во время пребывания Юлиана в Антиохии он сгорел — см. Л и б а н и й, «Монодия на храм Аполлона в Дафне» (Ог. 60).

Такие мероприятия входили в программу Юлиана. Зонара (XIII, 12) сообщает, что в Тарсе на пути в Персию Юлиан узнал, что христиане разграбили храм Асклепия в Эгах и колонны использовали для строительства церкви. Он приказал вернуть колонны храму.

⁴ Возможно, имеются в виду здания, построенные из материалов, добытых при разрушении храмов и конфискованных Юлианом, как это полагает Биде.

⁵ Может быть, Бассидий Лаврикий, комит и дукс Исаврии, корреспондент Либания — *A m m. M a r c.*, XIX, 13; *S o c r a t.*, II, 39 (см. *S e e s k*, ук. соч., стр. 194). Ссора Юлиана с Лавриkiem из других источников нам неизвестна.

нимать во внимание ничего, кроме справедливости, и выслушать то, что он скажет, с полным доверием к его правоте. Я не отрицаю, что его письмо к тебе крайне неприятно и исполнено наглости и высокомерия, но это нужно стерпеть; ведь истинно прекрасному и великодушному человеку подобает «злое слышать, но не говорить». То, что брошено в прочные, правильно сложенные стены, не остается на них и не разбивает их, и не застревает в них, но с еще большей силой отбрасывается на того, кто бросил; подобно этому и всякая ругань, клевета и несправедливые оскорбления, которыми осыпают истинно прекрасного мужа, никак не затрагивают его, но обращаются на голову того, от кого они исходили. Вот, что я тебе советую. А что будет после — это дело суда. Что же касается моих писем, которые ты, по его словам, получил от меня и обнародовал, то мне кажется смешным делать это предметом судебного разбирательства. Ибо, клянусь богами, я ни тебе, ни кому-либо другому никогда не писал ничего такого, чего бы не хотел сделать общеизвестным. Разве когда-нибудь в моих письмах были грубость, или наглость, или оскорбления, или ругань? Наоборот, даже если я был сердит на кого-либо и у меня было основание говорить, как из повозки ⁶, вроде того как Архилох лживо говорил против Ликамба ⁷, я выражался более сдержанно и с большим достоинством, чем другой говорит о каком-либо священном предмете. И если в этих письмах отражаются наши дружеские чувства друг к другу, то неужели я хотел бы это скрыть или утаить? Для чего? Я призываю в свидетели всех богов и богинь, что я не печалился бы, даже если бы кто-нибудь опубликовал то, что я писал к своей жене ⁸, — такой сдержанностью отличаются эти письма. А если тот или другой прочтет, что я написал своему дяде, он будет порицать скорее того, кто со злобой высмеивает это, чем меня, кто написал это, или тебя, или кого-нибудь другого, кто читал. И все же уступи мне и не выходи из себя, и одно не упускай из внимания — если действительно Лаврикий негодяй, — избавься от него самым решительным образом, если же обыкновенный добропорядочный человек и только согрешил перед тобой — прости его. Ибо нам надлежит быть дружественным к тем, кто прекрасно поступает в общественной жизни, даже если они как частные лица ведут себя по отношению к нам неподобающе. Наоборот, тех, кто порочен в общественной жизни, даже если мы от них получили что-либо хорошее, мы должны держать в руках; я не говорю, что нужно ненавидеть или избегать их, но следует не спускать с них глаз, чтобы они не могли совершать дурные дела втайне; если же за ними уж очень трудно уследить, вообще не нужно их использовать.

Того, кто, как ты писал о нем, несмотря на всем известное дурное поведение, притворяется врачом, я позвал к себе, думая, что он — порядочный человек. Но еще прежде, чем он предстал перед моими глазами, я узнал, что он собой представляет, вернее его ра-

⁶ Поговорка возникла из обычая, по которому на элевсинских процессиях женщины, едущие на повозках, бранили и высмеивали встречных (См. *Aristoph.*, *Plut.*, 1014).

⁷ См. *Н о г а с.*, *Erodi*, 6, 13. В тексте стоит ἐπὶ τοῦ Λαυδαχίου. Но это, очевидно, ошибка переписчика. Биде приводит «Против Ликамба», Ван Гронинген предлагает чтение: ἐπὶ τοῦ Λαυραχίου.

⁸ Женой Юлиана была сестра Констанция Елена. Констанций дал ее в жены Юлиану в 355 г., когда сделал его цезарем. Умерла она в 361 г., вскоре после переворота.

зоблачили (а кто — я сам расскажу тебе при встрече), и мы отнеслись к нему с презрением. За это я тебя тоже благодарю.

А вместо тех имений, которые ты просишь — боги семьи и дружбы свидетели, что я уже отдал их другому — я дам тебе значительно лучшие, как ты и сам это увидишь⁹.

388с

36. ЮЛИАН КАЛЛИКСИНЕ,
ЖРИЦЕ МАТЕРИ БОГОВ¹ (81)

d

389

«Одно лишь время — добрым оправданье»² — это мы узнали у древних. Я добавил бы — и благочестивым и богобоязненным. Но ты скажешь — и любовь Пенелопы к мужу засвидетельствовало время. Да кто же поставит в женщине любовь к богам на второе место после любви к мужу, и не покажется ли такой человек весьма упившимся мандрагорой? Если же принять во внимание обстоятельство времени и то, что Пенелопа за свою любовь к мужу восхваляется почти всеми, и то, что благочестивые женщины в недалеком прошлом подвергались опасности и, в довершение всех зол, вдвое дольше, то справедливо ли будет сравнивать Пенелопу с тобой? Но не считай эти похвалы ничтожными — за это и все боги тебе воздадут, и я, со своей стороны, почту тебя двойным жречеством. Кроме того, что ты имела раньше, — служение святейшей богине Деметре, мы поручаем тебе и должность жрицы великой Матери, фригийской богини, в любимом богами Пессинунте.

443

37. ЮЛИАН ПРОТИВ НИЛА¹ (82)

d

444

Ты правильнее поступал раньше, когда молчал, чем теперь, когда оправдываешься. Почему? Да ведь тогда ты, по крайней мере, не оскорблял меня, хотя, может быть, в мыслях у тебя это и было, а теперь ты, как бы собравшись с силами, излил на нас всю ругань сразу. В самом деле, разве я не должен считать оскорбительной руганью то, что ты приравниваешь меня к твоим «друзьям», каждому из которых ты отдавал себя в распоряжение, хотя тебя об этом и не просили, вернее — первому — безо всякой его просьбы, а второму — едва он только дал понять, что хочет сделать тебя своим помощником? Впрочем так ли уж я похож на Константа и Магненция, покажет, как говорят, само дело, а то, что к тебе можно отнести слова комического поэта: «Как Астидам сама себя ты хвалишь, женщина»², — прекрасно видно из того, что ты на-

⁹ Райт видит здесь те же имена, что упоминаются в письме к Еваргню, и на основании этого упоминания датирует первое письмо. Однако никаких аргументов он не приводит.

¹ Из других источников неизвестна. Пессинунт Юлиан посетил во время путешествия в Антиохию в июле 362 г. (A m m. M a r c., XXII, 9, 5). Очевидно, в это время и написано письмо.

² S o r h o s l., Oedip. Rex, 614 (пер. Ф. Зелинского: Софокл, Драмы, т. II, М., 1915, стр. 101).

¹ Лицо, неизвестное из других источников. Даже неясно, как звали адресата. В заглавии говорится: «Юлиан против Нила», а в тексте адресат называется Диониси-ем. Из текста ясно, что он был римлянин, скорее всего, сенатор. У Либания в двух местах есть намеки на это письмо. В речи XVIII (198) он говорит о каком-то римлянине, у которого Юлиан по справедливости мог конфисковать имущество, но ограничился тем, что написал ему письмо. В письме 870 к Юлиану (см. письмо 48) говорится о «зле, которое потерпел Нил», — очевидно, подразумевается это письмо. Так как 870 письмо Либания датируется концом 362 г., то и письмо к Нилу должно быть написано до этого времени.

² См. письмо 18, прим. 3.

писал. Ведь «бесстрашие» и «великая смелость», и «если бы ты знал, что я за человек и чего я стою», и вообще все в этом роде — ну что это за трескучая словесная похвальба! Но ради Афродиты и Харит, если ты в самом деле такой отважный и благородный, то что же ты «стремишься избегать столкновения в третий раз»? Ведь те, кто ненавистен стоящим у власти, быстро отходят от всяких дел — самое легкое, а для умного человека, можно сказать, — и самое приятное; если же они вынуждены сверх этого потерпеть еще небольшое наказание, они терпят потерю имущества, а вершиной гнева и, как говорят, «неизлечимым страданием» является потеря жизни. Ты пренебрег всем этим, ты, кто так хорошо..... познал, что такое человек и вообще и в частности, тогда как мы уже упустили время, когда можно было понять это ³, почему же, о боги, ты говоришь, что боишься, как бы не вызвать неудовольствия в третий раз? Ведь рассердившись на тебя, я не сделаю тебя из хорошего дурным? По справедливости можно было бы позавидовать тому, кто способен сделать это. Ведь, как говорит Платон ⁴, тогда тот же самый человек мог бы сделать и противоположное. Но так как доблесть свободна, тебе нужно было ничего в этом роде в расчет не принимать.

Но ты думаешь, что надругаться надо всеми сразу, всех осыпать бранью и делать из священного места мира мастерскую войны — нечто великое ⁵. Или ты считаешь, что это извиняет тебя перед всеми за твои старые грехи и что твоя теперешняя храбрость прикрывает твою прежнюю трусость? Ты слышал басню Бабрия ⁶: «Влюбилась в человека одного Ласка...»? — все остальное узнай из книжки. Хоть ты и много говоришь, но никого из людей не убедишь, что ты не такой, какой ты есть и каким многие давно и отлично тебя знают. Не философия, клянусь богами, внушила тебе твою теперешнюю глупость и наглость, а, наоборот, как говорил Платон, «двойное невежество» ⁷. Ничего по-настоящему не зная (как, впрочем, и мы), ты мнишь себя умнее всех, и не только ныне живущих, но и бывших ранее и, наверно, тех, кто будет впоследствии. До такой невероятной степени глупости дошло твое самомнение.

Однако о тебе уже сказано более, чем достаточно. Наверное, мне нужно оправдаться за тебя и перед другими в том, что я так ^d необдуманно призвал тебя к общественным делам. Не первый и не один только я испытал такое, о Дионисий, — и великого Платона обманул твой тезка ⁸, и Диона ⁹ — афинянин Каллипп. Как сказал Платон ¹⁰, Дион видел, что тот дурной человек, но никогда не подозревал, что в нем может быть столь великое зло. Но к чему мне говорить об этих, когда и величайший из сыновей Асклепия

³ Перевод приблизительный, так как место очень трудное и в тексте лакуна: *Τούτων δὲ πάντων ὑπερῶν, ὅτι καὶ τὸν ἰδίως... ἐπέγνωκας καὶ τὸν κοινῶς καὶ γενικῶς ἀνθρώπου ὑφ' ἡμῶν τῶν ὀφθαλμῶν ἀγνοούμενον, ἀνθ' οὗτου, πρὸς τῶν θεῶν, εὐλαβεῖσθαι ἔφης* «μη τρίτον προσχρόσσης».

⁴ P l a t o, Crito, 44 D.

⁵ Очевидно, римский сенат.

⁶ B a b r i u s, Fab. 32. Перевод М. А. Гаспарова: Федр, Бабрий, Басни, М., 1967, стр. 103.

⁷ P l a t o, Apolog. Socr., 21D; Leg., 863C; Sophis., 229B.

⁸ Дионисий Сиракузский.

⁹ «Диона» вставлено издателем. В тексте в этом месте и в следующем предложении, очевидно, пропуск, ибо речь должна быть о Дионе.

¹⁰ P l a t o, Ep. 7.

Гиппократ сказал: «Обманули меня черепные швы!»¹¹. Кроме того, если они обманулись в тех, кого хорошо знали, а от врача сокрылось правило его собственного искусства, то что же удивительного, если и Юлиан, услышав неожиданно, что Нил внезапно стал вести себя как мужчина, был введен в заблуждение?

445 Ты слышал о том элейце, Федоне¹², и знаешь его историю, а если не знаешь, то изучи со всем тщанием — об этом говорить не буду. Он считал, что нет никого, кого бы не могла исправить философия, что образ жизни, привычки, страсти любого человека и вообще все подобное может быть ею очищено. В самом деле, если она помогает только тем, кто и по природе хорош и воспитан хорошо, то ничего особенно удивительного в ней нет. Если же она в силах привести к свету людей, до этого времени склонных ко злу, вот тогда она, по-моему, заслуживает особого восхищения. Поэтому мое мнение о тебе, как знают все боги, понемногу стало лучше. Конечно, и тогда я не считал тебя в числе лучших мужей — ни в числе самых лучших, ни в числе вторых после них. Ты, наверное, и сам это знаешь, а если не знаешь, спроси у прекрасного Симмаха¹³. Я твердо знаю, что это такой человек, который никогда по своей воле не скажет неправды, человек, по природе всегда говорящий истину.

Если же ты негодуешь, что я не предпочел тебя всем, то ведь я ругаю себя и за то, что поместил тебя в числе последних. И я испытываю благодарность ко всем богам и богиням, которые не дали нам стать товарищами по работе и заниматься одним делом. И хотя поэты часто говорят, что молва — богиня¹⁴ (а если угодно, пусть она будет лишь демоном), но молве не во всем можно верить, возможно, потому что род демонов не полностью чист и совершенен, как род богов, но некоторым образом причастен и к противоположной природе. Если же и не годится так говорить о прочих демонах, то о молве я твердо знаю, что говорю, а именно, что она возвещает и много лжи и много правды, а сам я еще никогда не был уличен в лжесвидетельстве.

Что же касается твоей «свободной речи», то не думаешь ли ты, что ей, как говорят, цена четыре обола. Разве ты не знаешь, что Терсит щеголял среди эллинов несдержанной речью и мудрейший Одиссей побил его скипетром¹⁵? Агамемнона же болтливость Терсита волновала, по пословице, «меньше, чем черепахе мухи». Ведь не большой подвиг — упрекать других, а большое дело — сделать самого себя безупречным. Но если ты действительно принадлежишь к этой категории, докажи это нам. Еще когда ты был юношей, ты давал старшим прекрасные темы для разговоров о тебе. Но я, как Электра у Еврипида, эти обстоятельства «обхожу молчанием»¹⁶. А став уже мужем и появившись в ставке, ты повел себя так, что был изгнан, так как, по твоим словам, ты боролся (о Зевс!) за истину! Но чем ты можешь доказать это, как будто многие и самого плохого сорта люди не изгонялись теми же,

¹¹ Hippocrate, Epid., V. Фраза эта часто цитировалась. См. Plut., De profecto in virtute, 82D.

¹² Об исправлении Федона, бывшего рабом в публичном доме, философией. См. Aul. Gell., II, 18; Diogen Laert., II, 105.

¹³ Речь идет о Луции Авлиане Симмахе, которого восхвалял Аммиан и с которым Юлиан встретился в Нисе (Am m. Mag s., XXI, 12, 24 и XXVII, 3,3).

¹⁴ Hesiod., Opera et Dies, 764.

¹⁵ Homer., Iliad., II, 265.

¹⁶ Euripid., Orest., V, 16.

кто изгнал тебя? О мудрейший Дионисий, уйти прочь при враждебном отношении тех, кто стоит у власти, — не обязательно с признаком добродетельного и благоразумного человека. Ты проявил бы себя с лучшей стороны, если бы показал нам, что люди от общения с тобой становились благоразумнее и умереннее. Но это не в твоей власти, клянусь богами, и не во власти десятков тысяч тех, кто ревностно следует твоим путем. Ибо когда скалы сталкиваются со скалами, а камни с камнями, то они не приносят этим друг другу пользы, но более сильный легко стирает более слабого.

д Я говорю не лаконично и не сжато? Да, я думаю, что я более многословен на твой счет, чем аттические кузнечики! Но в ответ на твои пьяные оскорбления по моему адресу я накажу тебя надлежащим образом, если только будет на то воля богов и владычицы нашей Адрастеи. Но что же это за наказание и что более всего способно поразить твой язык и твой ум? Я постараюсь возможно меньше ошибаться словом и делом и не давать твоему злоречивому языку пищи для столь дурацких разговоров. Однако я прекрасно 446 знаю, что, как говорят, даже сандалия самой Афродиты была высмеяна Момом¹⁷. Но заметь, что хотя Мом лопнул с досады, все же он и в сандалие ее едва смог найти то, что можно было бы опорочить. Но старей себе, расстрачиваясь на такого рода дела, будучи более дряхлым, чем Тифон¹⁸, более богатым, чем Кинир¹⁹, более изнеженным, чем Сарданапал, так чтобы на тебе оправдывалась пословица: «Старики — дважды дети».

Но почему божественный Александр кажется тебе столь великим? Не потому ли, что ты подражаешь ему и соревнуешься с ним в том, за что его упрекал молодой Ермолай²⁰? Но нет никого столь глупого, чтобы подозревать тебя в этом. Напротив, есть ли кто-либо, кто сомневается, что к тебе имеет прямое отношение то, что пришлось перенести Ермолаю и из-за чего и замыслил, как говорят, убить Александра? Боги мне свидетели, что я слышал очень многих, кто говорил, что любит тебя, и кто представлял много извинений твоему оскорбительному поступку, но нашел только одного, кто не верит в это. Но он — та самая одна ласточка, которая не делает весны. Или, возможно, Александр представляется тебе великим за то, что он жестоко убил Каллисфена, что Клит пал жертвой его пьяной ярости, а также Филола и Парменион [и сын Пармениона²¹]? Но об этом деле Гектора²², который был утоплен в водоворотах египетского Нила или Евфрата — говорят об обеих реках, — или о других его глупостях я не скажу ничего, чтобы не показалось, что я злословлю человека, который ни в коей мере не обладал идеальными нравами, но был превосходным стратегом. Ты же одарен двумя этими добрыми качествами, добродетелью и храбростью, меньше, чем рыба волосами. Выслушай теперь мой совет и не гневайся слишком: «Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани!»²³ Следующий стих я не стану писать для тебя (ибо, клянусь богами, мне стыдно), но советую тебе за-

¹⁷ Philostrat., Ep. 37.

¹⁸ Тифон, возлюбленный Эос, попросивший и получивший от богов бессмертие, но забывший попросить вечную юность. См. Н о г а с., Carin. II, 16, 30.

¹⁹ Мифический царь Кипра.

²⁰ См. Curt., 8, 6; Argian., IV, 14.

²¹ Argian., III, 26.

²² Curt., 8. Но, по Курцию, Гектор утонул случайно.

²³ Н о м е r., Iliad., V, 428. Следующий за этим стих: «Ты, занимайся делами приятными сладостных браков». Перевод Н. И. Гнедича.

думаться над ним. Ибо здравый смысл требует, чтобы слова соответствовали делам и чтобы тот, кто никогда не избегал дел, не избегал бы и слов, которые их описывают.

Но чего же ради ты, почитая священную память Магненция и Константа, борешься с живыми и хулишь всех, кто в каком-либо отношении лучше других? Потому ли, что мертвые скорее, чем живые, могут отплатить тем, кто их беспокоит? Но так говорить тебе не пристало, если только ты действительно, как пишешь, отважнейший. Но если не это — причина, то, может быть, другое: ты не хочешь смеяться над ними, потому что они уже ничего не чувствуют? Но кто же из живущих так простоват или малодушен, что будет сколько-нибудь ценить твое мнение о нем, а не предпочтет вообще быть тебе незнакомым, а если уж это невозможно, то скорее, чтобы ты его бранил, как теперь меня, чем почитал? О, если бы мне никогда не дойти до такого неразумия, чтобы я твои похвалы предпочитал твоей ругани!

Но, может быть, сам факт, что я пишу тебе, показывает, что я раздражен? — Нет! — клянусь богами-спасителями, я не раздражен, но я браню тебя за излишнюю самоуверенность, крайнюю дерзость, несдержанный язык, грубую душу и злобный и во всем необузданный ум. Конечно, нужно было бы, раз я чувствую себя уязвленным, покарать тебя не словами, а делами, и это было бы совершенно законно: ведь ты, гражданин и член сената, не подчинился приказаниям императора. И, конечно, это не дозволено никому, если только он не принуждается самой суровой необходимостью. И у меня нет недостатка в средствах, которыми я могу покарать тебя. Но я решил сначала написать тебе в надежде, что ты сможешь исправиться под влиянием краткого послания. Но так как я обнаружил, что ты упорствуешь в своих пороках, или, вернее, раскрыл твое доселе сокрытое безумие...²⁴ чтобы ты не считался мужчиной, ибо ты не мужчина, не считался свободным в речи, ибо ты полон глупости, не считался причастным к образованию, ибо ты ни на иоту не имеешь отношения к искусству слова, что можно заключить по твоим письмам. Ведь, например, «φροβδον» никто из древних не употребил бы, как ты, вместо «προφανές»²⁵.

И это — лишь одна из многих ошибок твоего письма, а чтобы описать все их, не хватит даже и очень большого сочинения, как не хватит его и для того, чтобы описать твой гнусный и поганый характер, который толкает тебя продаваться. Ты говоришь мне, что мы должны выбирать не тех, кто приходит по первому зову или кто охотится за должностями, но тех, кто обладает здравым суждением и, руководствуясь им, избирает должное, скорее, чем тех, кто готов тут же повиноваться. Ты подаешь нам прекрасные надежды, в которых мы, впрочем, совершенно не нуждаемся, что, если я снова позову тебя принять участие в государственных делах, ты уступишь. Я же так далек от этого, что хотя другие и принимаются за общее дело, к тебе никогда не обращался; хотя я и обращался ко многим и известным и не известным мне людям, пребывающим в любимом богами Риме. Так я ценил твою дружбу. Так я считал тебя достойным моей благосклонности. Вероятно, и в будущем у меня будет к тебе такое же отношение. Ведь и сейчас

²⁴ В тексте лагуна, Биде вставляет: «Je me suis décidé à te démasquer en public» — «то я решил разоблачить тебя публично».

²⁵ φροβδον значит «исчезнувшее», προφανές — «очевидное».

я написал это письмо не для того, чтобы ты один прочел его; я считаю, что оно должно стать известным многим. И я дам его всем, и все, как я думаю, с охотой возьмут его. А когда они увидят, что ты надменнее и кичливее, чем кто-либо из живших до тебя, то будут негодовать. Вот тебе наш окончательный ответ, так что у тебя не должно быть никаких претензий. Да и мы больше ничего от тебя не просим. Но когда прочтешь, делай с моим письмом, что хочешь, ибо дружба наша с тобой уже невозможна ²⁶. Будь здоров, живи в роскоши и продолжай ругаться по моему адресу.

376c

38. ЮЛИАН АТАРБИЮ, СОБСТВЕННОРУЧНО ¹ (83)

Клянусь богами, я не хочу, ни чтобы галилеян убивали, ни чтобы их избивали вопреки справедливости, ни чтобы они терпели какое-нибудь другое зло. Однако, я заявляю, что нужно, очень d нужно, предпочитать людей богобоязненных. Ведь из-за безумия галилеян едва все не было ниспровергнуто, а из-за милости богов мы все спасаемся. Посему надлежит почитать богов, и людей, и города, которые их чтят.

429c

39. ПИСЬМО ЦАРЯ ЮЛИАНА АРСАКИЮ, ГЛАВНОМУ ЖРЕЦЮ ГАЛАТИИ ¹ (84)

Причина того, что эллинская вера не имеет такого успеха, как этого хочется, — в нас, ее приверженцах: ибо боги посылают блестящие, великие дары, превышающие любую нашу мольбу и любую надежду (да будет милостива к моим словам Адрастея). Ведь еще недавно никто не дерзал и молить о столь великой и всеобъемлющей перемене за столь короткий срок. И что же? Мы считаем, что этого достаточно, и не обращаем внимания на то, что безбожие возросло прежде всего из-за гуманности к странникам, заботы о погребении мертвых и показной святости жизни? Я думаю, что и нам нужно заботиться обо всем этом. И не достаточно, чтобы ты один был таким, но такими должны быть вообще все галатийские жрецы; и ты стыди их и убеждай быть добросовестными или, если они не приходят к богам вместе с женами и детьми, и слугами, но допускают, чтобы их домашние или сыновья, или их галилейские жены были нечестивы и предпочитали безбожие богобоязненности — b отстраняй их от исполнения жреческих обязанностей. Кроме того, убеждай жрецов не посещать театра и не пить в харчевнях, и не заниматься каким-либо ремеслом или искусством позорным и постыдным; тех, кто следует твоим наставлениям, — почитай, а тех, кто противиться, — изгоняй.

²⁶ Трудное для перевода место — τὰ γὰρ τῆς ἡμετέρας φιλίας ἀπείρηται σοι. Биде переводит: «car elle (письмо. — Д. Ф.) t'interdit de parler encore de notre amitié».

¹ Язычник, уроженец Анкиры, в 362 г. — praeses euphratensis, корреспондент Либания, после смерти Юлиана был консуляром Македонии (см. S e e s k, ук. соч., стр. 91). По мнению Биде, письмо написано из Антиохии.

¹ Из других источников Арсакий неизвестен. Какой-то галатиец Арсакий упоминается в 386-м письме Либания. Письмо это крайне важно для понимания политики Юлиана, оно перекликается с письмами Феодоре (40), Феодору (44) и неизвестному жрецу (45). Мысли, высказанные в этом письме, приобретают затем большую отчетливость и выливаются в целую программу 45-го письма. Биде, связывая это письмо с поездкой Юлиана по Малой Азии, относит его к началу июля 362 г. Письмо дошло до нас в «Церковной истории» Созомена (V, 16).

По всем городам устрой побольше странноприимных домов, чтобы странники пользовались нашей благотворительностью, и не только приверженцы нашей веры, но и каждый, кто будет испытывать нужду. Между тем я продумал и то, откуда ты получишь в изобилии средства для этого. Я приказал, чтобы по всей Галатии каждый год выдавалось 30 тыс. модиев хлеба и 60 тыс. ксис-тов вина, причем из этого количества пятая часть будет расходоваться на бедняков, прислуживающих жрецам, а остальное должно раздаваться странникам и нищим. Ведь это позор, если никто из иудеев не просит милостыни, если нечестивые галилеяне кормят не только своих, но и наших, а наши лишены нашей же помощи. Поучай людей эллинской веры, чтобы они вносили свой вклад в это дело, чтобы эллинские села уделяли богам часть доходов, приучай эллинов к подобной благотворительности, объясняя им, что она издревле была у нас. Ведь Гомер вывел Эвмея так говорящим:

«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой Гостя почтить, сохранили бы свято — Зевес к нам приводит Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден»².

И нехорошо нам, показывая образец другим, уступать им дорогу, а самим позориться от своей беспечности и, более того, лишать этим богов должного почтения. Если я узнаю, что ты проявляешь об этом заботу, я буду преисполнен радости.

Президов навещай в их домах редко, но пиши к ним почаще. Когда они вступают в город, пусть никто из жрецов не выходит к ним навстречу, но приветствуют их только тогда, когда они посещают храмы богов, да и то лишь в преддверии. И пусть ни один воин не входит впереди них в пределы храма, а кто хочет, пусть следует за ними. Ибо как только (презид) переступил порог храма, он становится частным лицом; ты и сам знаешь, что всем, что внутри храма, правишь ты — так требует божественный закон. И те, кто тебе повинуются — поистине богобоязненны, а те, кто упорствуют — честолюбцы и преисполнены пустого тщеславия.

Пессинунту³ я готов помочь, если только его жители вернут себе милость Матери богов. Если же они будут пренебрегать ею, то не только не будут пред нами безупречны, но, как ни горько это говорить, пожалуй, изведают нашу ненависть:

432

«... Неприлично Нам под защиту свою принимать человека, который Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен».⁴

Итак, убеди их, что если они желают добиться моего попечения, они должны всем народом умолять Мать богов.

² Н о т е р., *Odys.*, XIV, 56—58. Перевод В. А. Жуковского
³ Григорий Назианзин (*Or.* V, 40) говорит о выходке христиан против Матери богов в Пессинунте.
⁴ Н о т е р., *Odys.*, X, 72—73. Перевод В. А. Жуковского.